

Георгий АДАМОВИЧ

Памяти Андрея Белого

Он был замечательным романистом, талантливым стихотворцем, блестящим критиком. Он исписал тысячи листов бумаги, прочел множество докладов и лекций. Он на все откликался, всем интересовался, все схватывал на лету.

Но лучшее в нем все-таки было то, о чем он промолчал.

Только так и можно, в сущности, ценить поэта: за дар слова и за уроки молчания. Что слова, если в них уложилось все без остатка? Литература в зауряднейшем значении этого понятия: быт, картины, идеи, типы, полное собрание сочинений — и никакого отзвука, ни одного обещания, ни одной бессонной ночи в ответ... Но что и молчание, если не найдено слов, как бы обрывающихся «на пороге», как бы лишенных только одной легчайшей, тончайшей черты, чтобы все сделалось ясно?

Андрей Белый был бы действительно гениальным писателем, — как иногда его не совсем основательно называют, — если бы оба дара в нем были уравновешены. Но гениально в нем было только то, перед чем он беспомощно остановился. Тут, в этом он, пожалуй, первый из первых: никто не бросил такого ослепительного света на творческие возможности, как он... Но свершения сбивчивее и бледнее. Кто станет по ним судить Белого, никогда не поймет, отчего этот человек был так дорог многим «русским мальчикам» — по Ивану Карамазову¹ — начала двадцатого века.

Как трудно теперь, в тридцать четвертом году, в Париже, особенно в Париже, «городе умном и сухом», об этом рассказывать! Что было? Невольно хочется усмехнуться и ответить: ничего... Потому что все равно не расскажешь. Была молодость, были мечтания, предчувствия, надежды, одиночество, закаты по вечерам. Это было, впрочем, у всех, всегда. Еще — глубокое, постоянное... не сознание, нет, — а только ощущение обреченности нашего, нам близкого мира, так внезапно и страшно оправдавшееся. Еще — глубокое и постоянное безразличье к судьбе поколения и готов-

ность пожертвовать чем угодно, лишь бы найти ключ к «спасению вообще», лишь бы услышать хотя бы первые, слабые звуки — опять вспомним Достоевского — «финальной гармонии»². Было и другое. Но иначе, как словами «что-то», «какое-то», «куда-то», его теперь не определишь.

Были сны, но был и бред, — и чем уродливее искажалось видение, тем настойчивее хотелось его хоть как-нибудь запечатлеть: так возник и погиб Блок.

Но Блок, при всей его единственности, был ограниченным явлением. Он суживал тему эпохи и со своей природной, немецкой методичностью очищал ее от чепухи и шелухи, вытраивал в ней все, что поддавалось вытраиванию. Блок «сгорел» в борьбе с бредом, «ненавидя, кляня и любя»³. Но, доплавившись до несравненного личного сияния, он все-таки «переборщил»... Не все было чепухой, Блок стал изменником в пылу чрезмерной преданности. Он внутренне воевал с адвокатами, которые на столичных мистическо-эстетических собраниях кололи себя булавками (что-то такое, говорят, происходило однажды у Минского)⁴, он спорил с людьми, которые, деловито поправляя золотое пенсне, деловито заявляли, что без «ощущения хаоса» жить не согласны. Но он и довоевался: не осталось ничего — ни на той, ни на другой стороне.

Андрей Белый тему расширял, запутывал, усложнял, оснащал всем, что случайно приходило ему в голову. Андрей Белый был в этом смысле злейшим врагом Блока, и не случайно вызывал он порой у Блока такое насмешливое раздражение... Адвоката с булавками в нем, конечно, не было, но зато был бестолковый, длинноволосый русский литератор, за все хватавшийся и все тут же оставлявший. Кроме того, был в нем душок добровольного предательства, ничего общего не имеющий с отступничеством Блока, слепым и невинным. Да в придачу — хихиканье, ворвавшееся в русский символизм еще с Владимиром Соловьевым и в Белом достигшее нестерпимого расцвета («патент на благородство»⁵ Мережковского: неспособность хихикать, мгновенное увядание — до какого-то посерения в лице — при первой чьей-либо попытке поострить)... Все это так. Я только что сказал, кажется, что он был «блестящим романистом», «большим поэтом» или что-то в этом роде. Ну, признаемся, положи руку на сердце, что не таким уж блестящим, не таким уж и большим: это сказано в порядке вступительной полуправды и традиционной условности. «Петербург» — замечательная книга, конечно, но вся, до последней запятой, выдуманная и призрачная, не выдерживающая столкновения с какой-либо реальностью: в конце концов занимательная, забавная, «курьезная» книга, и только. В стихах — отдельные строфы и строчки, среди вороха никчемных слов, беспощадные и пронзительные, как полоска городского зимнего рассвета... И только.

Оставим легенду об «одном из крупнейших писателей нашей современности» для литературных вечеров с прениями и декламацией отрывков.

Ценнейшее в Андрее Белом — его неудача. Именно поэтому и последний, московский позор диалектико-материалистических «перестроек» ничего не меняет в его двоящемся, неверном, обманчивом облике: это не имеет настоящего значения, это скользнуло по сознанию Белого, как и многое другое. Это было бы роковым срывом при творчестве положительном, но творчество Белого было отрицательное: он только оттенял, отступал и безудержной болтовней пытался обморочить самого себя... А тема так и осталась вне слов, за словами.

Чуть-чуть не удалось. Карикатура заслонила лицо: «маска», — если повторить любимое символистами слово. Замысел развалился и под обломками своими все похоронил. Но замысел — или хотя бы даже только догадка о нем, предвкушение его — был такой, какого ни у кого не было; тут меркнет и Блок. Слово «догадка», пожалуй, не совсем верно передает нужный оттенок: догадаться, додуматься могли и другие... Андрей Белый весь был истерзан жившей в нем музыкой и невозможностью донести ее до мысли или слова. Он «мучился в родах» все тридцать лет своей писательской деятельности и так и умер бесплодным.

Но музыку мы все-таки слышим, даже сквозь недолговечные, сомнительные книги. Теперь уже нужно сделать усилие, но прежде слух был острее, внимательнее... Да, это то самое, это «самое важное», незабываемое. Да, это то, из-за чего кружилась голова двадцать лет тому назад, и не напрасно кружилась.

Только как объяснить? «Преображение мира»? Ну что же, пусть будет «преображение мира». Не хуже и не лучше, чем что-либо другое.

Поклонимся же памяти Андрея Белого за «преображение мира», за отсвет того, из-за чего стоит писать, думать, надеяться, помнить, жить.

